

ІСТОРИЧНІ РАКУРСИ

УДК 82-83

Евграф Дулуман

Приазовский металлургический университет, г. Мариуполь, Украина

ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ ТОГО, КАК Я ПЕРЕСТАЛ ВЕРИТЬ В БОГА

Порывая с религией, я глубоко продумал свой поступок, в том числе и в предвидении отношения советского окружения ко мне как бывшему клирику. Об этом в своей брошюре 53-летней давности я писал: «Если человек искренне пришел служить обществу, если слова, которые он открыто говорит людям, являются его глубоким убеждением, его сущностью, – то его не собьет с пути временное недоверие, которое вправе к нему питать общество. Человек рано или поздно добьется своей цели, если она отвечает интересам общества!»

С первых же дней моего разрыва с религией коммунисты и комсомольцы села, люди советской власти, большинство активных моих родственников приняли меня, скажем так, недоброжелательно, а местная молодёжь – с насмешками.

По приезде в село я на другой же день вышел на работу в колхоз. Приближалась уборочная кампания, и дополнительные рабочие руки в колхозе были ой как нужны. Днём работал, а вечерами читал школьные учебники и готовился поступать в 9 класс Любашёвской заочной средней школы. Над моим намерением поступить в школу прямо-таки издевались. Как-то я пришел в сельский клуб на танцы. Один из моих дальних родственников, местный балагур Толя Воронежский, увидев меня, взял в руки балалайку и запел сходу сочиненную им частушку: «Мой миленок учится, // Но что с него получится? // Иль профессор? иль монах? // Или лёгчик на волах?»

За лето я подготовился к поступлению в школу. Экстерном сдал экзамены за девятый класс и в октябре был принят в 10 класс заочной средней школы. Выпускные экзамены по всем предметам сдал на «5» («отлично»), но положенной мне золотой медали не дали. Председатель экзаменационной комиссии, второй секретарь райкома партии Крыжановский на итоговом заседании экзаменаторов заявил: «Если вы этому попу Дулуману решили дать золотую медаль, то я не подпишу итоговых документов. Да и ни к чему ему золотая медаль. Его и с медалью, и без медали ни в какой вуз не примут».

Этот же секретарь РК КПУ достаточно попржимал меня за прошедший год. Так, во время уборочной кампании я организовал тематический выпуск «Полевого листа», в выпуске которого принимала участие работающая в поле молодёжь. Узнав об этом, тот же Крыжановский прислал в колхоз своего инструктора «разобраться». В результате меня отстранили от работы в выпуске «Полевого листа», который без меня прекратил свое существование.

С молодежью колхоза я взялся за постановку пьесы «Свадьба с приданым». Уяснили содержание и смысл пьесы, соизмерили со своими силами, распределили роли и принялись сначала за чтение, потом за изучение и предварительный проговор пьесы в лицах. Увидев все трудности сценического действия, я обратился в Отдел культуры исполкома за помощью. Но в помощи отказано. Тогда мы решили действовать на свой страх и риск. Но оказалось, для «выпуска пьесы на сцену» нужно разрешение того же Крыжановского. В результате наше театральное братство распалось.

В колхозе я работал, в основном, грузчиком и экспедитором зерна на элеватор, а помимо этого – «старшим, куда пошлют». После окончания полевых работ нужда в моих руках отпала, и я начал искать работу на стороне. Сначала в Любашёвке нашел работу почтальона. Договорились о зачислении, но на работе я пробыл всего один день. На другой день после разъяснения райкома партии Любашёвское почтовое отделение в моих услугах перестало нуждаться.

После этого я узнал, что на элеваторе нужны грузчики. Пошел в контору элеватора, но там райкомовские служащие меня упредили... Было ещё несколько таких же и по тем же причинам неудачных поисков работы. Я возмутился, пошел в райком комсомола, в райком партии и поскаandalил. Возмущенным вернулся домой и написал письмо-жалобу на имя самого Сталина.

Лично моего письма Сталин, конечно, не читал, но его контора работала чётко. 4 марта 1953 года из Москвы к нам в район по моему письму приехало два представителя: один из ЦК партии, а другой из ЦК комсомола. 5 марта 1953 года я был уже в райкоме партии. Как только представились друг другу, включилось радио и началось сообщение о болезни Иосифа Виссарионовича Сталина... Сообщением все были оглушены. Дальнейший разговор о моем письме-жалобе стал неуместен. Представители из Москвы сразу же собрались и уехали...

Золотая медаль выпускника средней школы давала право ее владельцу поступать в любой вуз без вступительных экзаменов, но я такой медали был лишён. Собрав нужные документы, я поехал в Москву поступать на философский факультет Московского университета имени М.В. Ломоносова. Там приняли документы, не вчитываясь в мою автобиографию, и выдали справку о допуске к вступительным экзаменам. Историю и географию я сдал на «5». Третьим было сочинение по русской литературе. В заполненную аудиторию на 150 человек я сел и начал писать. Входит молодой парень и обращается к аудитории: «Дулуман Евграф Каленьевич здесь присутствует?» Я объявился. Тот подошел ко мне и тихонько говорит мне на ухо: «Вас срочно должен видеть декан факультета. Выйдемте на минуточку».

Не приглашая меня присесть, декан философского факультета профессор Молодцов сразу приступил к делу:

– Дулуман? Вот Ваши документы. В нашей приёмной комиссии невнимательно просмотрели Вашу автобиографию. Наш философский факультет – факультет сугубо партийный. Вы не член партии. К тому же, оказывается, Вы учились в духовной семинарии и академии, Вы – кандидат богословия, инспектор и доцент Саратовской духовной семинарии. На философский факультет мы попов не принимаем. Заберите ваши документы.

В Московском университете начинались вступительные экзамены абитуриентов на месяц раньше, чем во всех остальных вузах СССР. Абитуриенты, которые сдали в МГУ все экзамены хотя бы на «3» («удовлетворительно»), не проходили по конкурсу, но имели потом право выбирать любой другой вуз страны и зачислялись студентами в них без повторных вступительных. Мне не дали возможности сдать все вступительные экзамены в МГУ, а значит – надо будет вновь, с самого начала, сдавать вступительные экзамены.

У меня еще в Саратове укрепилась мечта получить светское философское образование. А там будет видно. Философский факультет был и в Киевском государственном университете им. Шевченко, поэтому я поехал в Киев и сдал документы на философский факультет. История со вступлением в киевский университет повторилась несколько в ухудшенном виде. Здесь мою автобиографию заблаговременно прочитали, познакомили с ней всех заинтересованных лиц и приготовились к определенной встрече со мной. На экзамене по истории профессор Марченко спрашивал меня не в объёме программы и учебника средней школы, а требовал знания партийных документов по тому или иному

вопросу. В результате возник спор. Я парировал тем, что так написано в учебнике. Он не поверил мне и потребовал показать соответствующее место в книге. Учебник был в моём портфеле на задних партах. С его разрешения я принес учебник, показал параграф и страницу соответствующего текста. Он прочитал раз, второй. И, задумавшись, произнес: «Да... Да... Плохо мы пишем учебники. Плохо пишем учебники...» И поставил мне оценку «4» («хорошо»).

На устном экзамене по русскому языку и литературе меня решили окончательно раздавить. Общеизвестно, что ученики хорошо в целом знают русскую литературу, но слабо знают и понимают грамматику. Здесь правила, исключения, чередования, склонения, залого, согласования, обороты... Да черт ногу сломает во всей этой тягомотине! Но случилось так, что я в Саратовской семинарии читал русский язык – фактически учил семинаристов русскому языку – и русскую грамматику должен был учить сам, полюбил её. У меня в КГУ принимали экзамены по русскому языку и литературе одновременно три человека. В аудитории готовились к сдаче экзамена где-то 5 – 8 абитуриентов. Дошла очередь до меня. Я поднял руку. «Ваша фамилия?» – спросил преподаватель. «Дулуман», – ответил я. «Минуточку подождите». Вызывавший меня преподаватель подождал, пока два его коллеги разберутся каждый со своим опрашиваемым абитуриентом, позвал их к себе за общий стол и только тогда пригласил меня. Первый вопрос у меня был о патристической лирике Маяковского. Второй – о литературном творчестве русских революционных демократов. Я любил и сейчас люблю творчество Маяковского. Преподавателям я с воодушевлением сыпал цитатами. Ведущий прервал меня, сказав, что это мне попался легкий и незначительный вопрос. В ответе на второй вопрос я сосредоточился на анализе романа Чернышевского «Что делать?». Меня тоже не дослушали до конца и зачитали третий вопрос о степени сравнения прилагательных. Поскольку все три преподавателя были специалистами по грамматике, то мои ответы они встретили во всеоружии. Так, когда я сказал, что в художественной литературе по степени сравнения могут изменяться не только качественные, но и относительные прилагательные, например, «каменный – каменной», один из преподавателей принуждённо засмеялся и произнес:

– Да Вы совершенно не знаете русской грамматики! – и передразнил меня: «Каменный – каменной». Это что же выходит? Что я имею право сказать, что у Вас лицо перед экзаменом было каменным, а когда Вы стали отвечать, то оно стало каменной?

Все три моих мучителя удовлетворенно захихикали. Я возразил:

– Возможно, по законам русской грамматики Вы в этом случае так говорить не будете. Но вот Валерий Брюсов в одном из своих стихотворений писал: «Всё каменной ступени, всё круче, круче всход»...

На этом издевательства надо мной прекратились. Три преподавателя показательным образом посоветовались между собой о качестве моих ответов и единогласно – демократично (не возразишь и не пожалуешься!) – поставили мне «3» («удовлетворительно»). – И на том спасибо! Ведь была заготовлена «1» («очень плохо»).

Поскольку на философском факультете КГУ в результате провала абитуриентов образовался недобор, то я решил сдавать экзамены до конца. Мне предстояло сдать еще сочинение на русском или украинском языке и географию.

Сел и приступил к написанию сочинения. Заходит девушка из приемной комиссии, сразу, никого не спрашивая, находит меня и приглашает к председателю приемной комиссии. Выхожу в коридор. Там меня поджидает кандидат философских наук доцент Владимир Карлович Танчер:

– Евграф Каленьевич. Пройдемте в парк, сядем на скамеечке, чтобы нам никто не мешал, и поговорим. За экзамен по сочинению не беспокойтесь. Он Вам не понадобится.

Последующее определяющее влияние на моё утверждение в философии оказал именно Владимир Карлович Танчер.

– Вот здесь и присядем, – указал Владимир Карлович на стоящую в одиночестве скамейку в парке напротив здания КГУ. – Я читал Ваши автобиографические похождения. Не надо мне их пересказывать. Меня интересует, почему Вы выбираете именно философский факультет?

Я сказал, что интересуюсь философией, особенно темами смысла жизни, происхождения Вселенной и человека, проблемами добра и зла с тех пор как помню себя. В книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», содержание и смысл которой я тогда, в 17 лет, так до конца и не понял, хотя прочитал дважды, разноцветными карандашами подчеркивал предложения почти на каждой странице. А в духовной академии за увлечение философией – отсюда из-за отрешенности и постоянное хмурое лицо – меня прозвали мрачным философом. К тому же пребывание в семинарии и духовной академии не удовлетворило, а еще больше обострило влечение к философским размышлениям. В. К. задал мне еще несколько вопросов о прошлых событиях моей жизни. Меня сразу поразило в нем то, что он ставил мне важные и конкретные вопросы и умел – ой, как же умел! – внимательно слушать и понимать сказанное мной. Он был поразительно откровенен со мной:

– А теперь послушайте меня. Хотя, возможно, я и не должен этого Вам говорить. Как бы Вы не сдали вступительные экзамены к нам, Вас все равно не зачислят студентом философского факультета. Предложенный приемной комиссией список зачисляемых студентов просматривает, контролирует и утверждает Министерство образования Украины. А на философский факультет после Министерства этот список просматривает и утверждает или отклоняет Отдел науки КПУ. Философия, если Вы это знаете, дисциплина партийная, а отсюда и специалисты по проблемам философии – члены партии. В вузах Советского Союза на философской работе нет ни одного беспартийного профессора, доцента или даже лаборанта. Вы сейчас беспартийный. Вступить в КПСС выходцу из церковного мира, да еще кандидату богословия, – для Вас будет проблемой трудного решения...

– Вот что я Вам скажу. Заберите – вот – свои документы, поезжайте в Одессу. Там есть два-три вуза, в которых недобор поступающих студентов. Хотя бы, например, в Одесский кредитно-экономический институт, который готовит бухгалтеров и кредитных инспекторов госбанка...

– Но я не хочу быть бухгалтером, – вырвалось у меня.

– Не горячитесь. Не горячитесь. В Вашем положении бухгалтер – очень подходящая, приличная для Вас специальность. Изучите банковские инструкции, научитесь считать, неуклонно придерживайтесь пунктов инструкций – и Вы кум королю и сват министру. Никто к Вам не придерётся, никак не подкопается. Работайте себе, получайте приличную зарплату и ожидайте ежеквартальных премий. Впрочем, это я так, в порядке легкой агитации. А если серьезно, то, как говорится, чем черт не шутит. Поступите в институт, наберетесь знаний высшей школы, особенно по экономике, создадите о себе определенное положительное представление... А там, смотри, изменятся обстоятельства, вы утвердитесь в общественном мнении и после окончания кредитно-экономического института попробуете поступить к нам на философский факультет. У нас обучение бесплатное, а специалистов по философии сейчас нет, и не скоро мы заполним ими кафедры философии. Так что у Вас все ещё впереди. И все зависит от Вас.

Сразу же со скамейки в парке я отправился в Одессу, разыскал кредитно-экономический институт и сдал документы для поступления. Сдал три экзамена на «4» и «5», но на математике преподаватель начала придирается ко мне. Надо было решить три задачи. С первыми двумя я справился быстро, а третья, по комбинаторике, с большими числами комбинаций «А» и «С» – надо было определить «икс». Решение этой задачи уже заняло больше половины листа (по три специальных, с печатью, листа мы получали от экзаменатора). Преподаватель в ходе моей подготовки пыталась «подловить» меня в получении шпаргалок, хотя помочь шпаргалкой просили у меня, а не я у кого-то. Я доказал это.

Посмотрев на то, что я пишу, она предложила мне:

– А Вы не можете сразу, без такого детального высчитывания, сказать, чему здесь приблизительно равняется «икс».

Я огрызнулся:

– Нет, не могу! Меня в школе учили решать задачи, а не отгадывать ответ!

В результате экзаменатор ставит мне «3».

– За что «3»? Я правильно решил и решал задачи!.. Я буду жаловаться. – Выдернул свои три листа из её рук и решительно вышел из аудитории.

Председатель приемной комиссии Горбунов моей жалобы не принял, слушать меня отказался. Кстати, сам он был родом из моего села, в молодости был в одной компании с моей теткой Варварой. Я решил дойти до самого директора института. Но его в это время на рабочем месте не было, а дать мне его домашний адрес или телефон все отказывались. Тогда я сходил в городское справочное бюро – оно находилось рядом с институтом в маленькой будочке – и попросил дать домашний адрес Лопатина Юрия Петровича, но не говорил, что это будет адрес именно директора института. Заплатив 20 копеек, я за 5 – 10 секунд получил бумажечку с нужным мне адресом.

В процессе поиска квартиры директора института немного охладел. Квартиру нашел, посмотрел на дорогую, художественно отделанную дверь и посчитал, что звонить в такую дверь незнакомому человеку неприлично. Спустился назад ко входу в подъезд, остановился возле висящих там почтовых ящиков и увидел ящик с номером квартиры директора института. В ящике просматривалась утренняя почта. Сел на подоконник и начал ждать. А что делать? Сейчас половина одиннадцатого. Если директор в квартире, то утренней почты он еще не забрал. Буду ждать. Авось...

Минут через пятнадцать по лестнице спускается в роскошной пижаме человек лет тридцати пяти. Подошел к указанному ящику, вынул почту и повернулся, собираясь уходить. В этот момент я несмело заговорил:

– Извините! Вы – Юрий Петрович Лопатин?

– Да, – кратко ответил он. – А Вы кто и что Вам от меня нужно?

– Извините за беспокойство на дому. Но я поступаю в Ваш институт. Сдал первые три экзамена на «4» и «5», а на математике – которую я люблю и знаю – преподаватель начала придирается ко мне и поставила «3».

– Ну, три – это не страшно. Мы берем абитуриентов и с тройками. А почему Вы думаете, что она к Вам несправедливо придирается?

– Видите ли, я учился в духовной семинарии и академии, был кандидатом богословия и доцентом в семинарии. А весной 1952 года порвал с религией...

Не дослушав меня до конца, Юрий Петрович спросил:

– Так это вы Дулуман? Мне уже говорили о Вас из института, а также из горкома партии... Ну-ну, расскажите мне подробнее, почему и как Вы порвали с верой в бога?

Мы вдвоём присели на подоконнике. Я начал рассказывать, а он по ходу спрашивал, возвращался назад, задавал свои вопросы. Так мы пообщались около часа, в крайнем случае, не меньше 45 минут.

– Ладно. Мне все понятно. Но после того как Вами заинтересовался горком партии, я ничего решать не могу. Вам надо обратиться к представителю Министерства образования. Она прислана в Одессу следить за решением возможных конфликтных ситуаций на вступительных экзаменах в институты. Знаете что? Вы идите сейчас к ней. А пока Вы доберетесь, я ей позвоню и выскажу свое мнение. Я думаю, она даст добро на Ваше зачисление в наш институт.

На поиски представительницы министерства ушло 20 – 25 минут. Я постучал в дверь. Услышав ответ, зашел и произнес:

– Я от Юрия Петровича Лопатина.

– Проходите, проходите. Он мне все рассказал про Вас. Но Ваш вопрос может решить только заведомо науки Обкома КПУ. Я ему уже позвонила. Идите в бюро пропусков Обкома партии и скажите, что на Ваше имя пропуск заказал Нестеренко. Он Вас примет и Вы ему все расскажете. Думаю, что будет положительное решение. Идите быстренько, чтобы успеть до обеденного перерыва.

Получив пропуск, я посмотрел на часы. До обеденного перерыва оставалось один час и пять минут. Успею. Из бюро пропусков я перешел через площадь мимо памятника Дюку Ришелье и направился ко входу в Обком. На входе стоял милиционер, которому я предъявил пропуск. Не вчитываясь в написанное от руки на пропуске, он спросил меня:

– Вы к кому?

– К Нестеренко.

– К Нестеренко? Но Нестеренко только что вышел.

– Как вышел? Он сам назначил мне встречу.

– Наверное, забыл.

– А куда он пошел?

– По-видимому, прогуляться.

– А в какую сторону он пошел?

– Он всегда прогуливается по Пушкинской.

Милиционер вышел за порог и посмотрел на Пушкинскую.

– Уже не видно.

– Извините! Я его сейчас догоню. Вы мне скажите, пожалуйста, как выглядит Нестеренко, поскольку мы с ним еще ни разу не виделись.

– Он среднего роста, не худой, в белом чесучовом костюме, приятной наружности.

Я ускоренно зашагал по левой, тенистой, стороне Пушкинской улицы. Перегоняю прохожих, присматриваюсь. Вскоре увидел человека среднего роста в чесучовом костюме. Сбавив темп, я поравнялся с ним и спросил:

– Извините, пожалуйста. Вы товарищ Нестеренко?

– Да. Я – Нестеренко.

– А я – Дулуман.

– А-а. Вот как. Ну что ж. Давайте откровенно поговорим.

Он уже в общих чертах знал содержание моей автобиографии, а поэтому спрашивал то, что его дополнительно и подробнее интересовало... В конце концов, мы просто разговорились о религии, о полах, о моем житии-бытии. Разговаривая, тихой походочкой мы прошли по Пушкинской до Вокзала; повернули назад и дошли до Дерибасовской. Остановились.

– Ну что ж? В целом мне ясно. А Горбунов из кредитно-экономического института много настороженного наговорил мне о Вас. Вы, оказывается, с ним из одного села... Впрочем, сейчас это не важно. Вы идите в институт, а я позвоню Горбунову. Думаю, что Вас зачислят студентом кредитно-экономического института. Берите вызов на учебу и поезжайте в село. Сейчас заканчивается уборочная кампания. А поэтому в Ваших рабочих руках там нуждаются. Покажите, на что Вы способны. Постарайтесь оправдать наше доверие и в институте. Я, конечно, Вам верю и верю в Ваше нормальное будущее. Но у нас, как Вы должны помнить: «Доверяя – доверяй, но проверяй!». Успеха Вам.

Наконец-то я стал студентом советского светского вуза! Начал грызть гранит банковской науки. Меня включили в общественную работу, приняли в комсомол. Избрали членом профсоюзного бюро факультета, а со второго семестра первого года обучения – его председателем. (Мой предшественник, студент последнего курса, уехал на длительную преддипломную практику перед выпускными экзаменами.)

Втянулся в учебу и в профсоюзную работу. Система наук банковского института меня увлекла, но религия, атеизм и философия меня не оставляли, а комсомол привлек к выступлениям на антирелигиозные темы. Привлекли к чтению лекций вне института сначала по линии комсомола, потом – городского Лекторского бюро, а потом и по линии Областного общества «Знание», где меня избрали членом бюро и секретарём секции научного атеизма. Начал писать доклады на темы религии и атеизма, публиковать статьи в местных газетах. На последнем курсе меня направили на преддипломную практику в Киев, в учреждение Республиканского государственного банка Украины. Обо мне из Одессы сообщили в ЦК комсомола Украины и в Республиканское общество «Знание». Комсомол и общество «Знание» меня в Киеве разыскали и пригласили выступить на их аппаратных совещаниях, а потом посылали читать лекции по учреждениям и предприятиям города. После окончания преддипломной практики Отдел пропаганды ЦК комсомола Украины направил меня читать лекции в Донецкую область, а в это время за подписью секретаря ЦК комсомола Украины Балясной Любови Кузьминичны и председателя республиканской секции научного атеизма общества «Знание» доктора философских наук профессора Головахи Ивана Петровича направили письмо в Министерство образования Украины о переводе меня из кредитно-экономического института на третий курс философского факультета. Перед этим я дал согласие на такой перевод.

С 1 сентября 1956 года я стал студентом третьего курса философского факультета КГУ. Я встал на тот жизненный путь, о котором подсознательно, а потом и осмысленно мечтал изначально. Но это вовсе не означало, что моя жизнь пошла «как по маслу». Наоборот, мои успехи здесь перемежались с никак не вообразимыми мною прежде взлётами и свержениями. Оглядываясь назад, я могу сказать о том, что с сентября 1956 года у меня, по словам Лескова в его романе «Соборяне», «кончилась жизнь и началось житие». Здесь нет места для того, чтобы рассказывать об этом так же подробно, как рассказывал выше. Мне остается только указать основные вехи последующего пути без всякого «живописания» и «растекания мыслию по древу».

За первый семестр обучения в КГУ я досдал экзамены по всем тем предметам, которые на первых двух курсах изучались на философском факультете и ни на одном курсе не изучались в кредитно-экономическом институте. Сдал все на «5», с одной «4» по немецкой классической философии. Комсомол привлек меня в редколлегию «Молоди Украины» и поручил мне присматриваться к атеистическим публикациям в газете. А общество «Знание» стало посылать на областные конференции, организовывало публичные лекции.

Весной 1957 года в «Комсомольской правде» вышла моя – на всю страницу – статья «Почему я перестал верить в бога». Статья была перепечатана практически во всех республиканских газетах, опубликована в ряде западных стран. На меня обрушился поток писем с приветствиями и проклятиями. А потом... А потом с аналогичными заявлениями о разрыве с религией в газетах, на радио и телевидении выступили представители духовенства от разных религий: попы, ксендзы, муллы, пресвитеры, выпускники и учащиеся духовных учебных заведений. За два последующих года таких выступлений было несколько тысяч.

Пиком подобных выступлений стало выступление 6 декабря 1959 года в газете «Правда» и.о. ректора и профессора Ленинградской духовной академии и семинарии протоиерея Александра Александровича Осипова со статьей: «Отказ от религии – единственно правильный путь». 30 декабря 1959 года Священный Синод Московской патриархии под председательством патриарха Алексия вынес Постановление (журнал № 23): «Бывшего протоиерея и бывшего профессора Ленинградской духовной академии Александра Осипова, бывшего протоиерея Николая Спасского и бывшего священнослужителя

Павла Дарманского и прочих священнослужителей, публично похуливших имя Божие, считать изверженными из священнического сана и лишенными всякого церковного общения. Евграфа Дулумана отлучить от Церкви».

Теперь о палках в колеса. Сначала с сокурсниками философского факультета в КГУ у меня сложились ровные, спокойные, со всеми доброжелательные отношения. Когда я начал публиковаться в «Молоди Украины» и «протаскивал» туда всех пишущих сокурсников, то это воспринималось чуть ли не под аплодисменты. Но когда мое, ставшее знаменитым, выступление было опубликовано в «Комсомольской правде», на адрес философского факультета начали пачками поступать мне письма, хлынули отзывы в других газетах, на меня начали бегать смотреть студенты всех факультетов, – в моей группе началось завистливое обсуждение только одного: «Дулуману за выступление в «Комсомолке» заплатили 1500 рублей. А сколько ему заплатили за предательство церкви? А чем он заплатил за поступление без экзаменов прямо на третий курс философского факультета нашего университета?!»

В 1958 году мне исполнилось 30 лет. Закончился срок моего пребывания в комсомоле. Естественно, в моем состоянии следовало подавать заявление о вступлении в КПСС. Посоветовавшись с оставшимися со мной друзьями в группе, я подал такое заявление. После бурного обсуждения моего заявления из 25 присутствовавших на собрании тайно, бюллетенями, 12 проголосовало «за», 12 – «против». Я воздержался. Воздержавшийся голос был засчитан как «против». Следовательно, я не набрал большинства и решением собрания мне отказали в рекомендации в КПСС.

В 1959 году я окончил философский факультет Киевского университета с красным дипломом, со сплошными пятерками. А до времени вручения дипломов в университет пришел заказ направить меня на работу старшим референтом Волынского областного общества «Знание». Заказчики сообщали, что по приезду в город Луцк мне выделят свободную уже сейчас двухкомнатную квартиру, жену обеспечат работой по её специальности библиотекаря, ребенка примут в детский сад. Сокурсники возмутились. Дулуман, мол, берет на работу на сверхудобных условиях, а среди оставшихся вакансий нам смотреть не на что. Партийное руководство группы побежало с претензиями в партком университета. Секретарь парткома Удовиченко Петр Петрович позвонил куда следует. В результате, когда закончился срок моего студенчества, когда все мои однокурсники получили назначение на работу, от Республиканского и Волынского областного общества «Знание» пришел официальный отказ от приглашения меня в Луцк. С красным дипломом в кармане я остался без назначения с 7-месячной дочкой и безработной женой на руках. Побежал в университет. Поздно. Университет закончил распределение выпускников на работу. Обратился в министерство – ответ такой же. Я написал заявление в Министерство с просьбой дать мне назначение на работу учителя в любую школу, пусть даже учителем начальных классов. Опять отказ. Еще два месяца обивал пороги школ, обществ «Знание», философских кафедр. И уже собрался возвращаться в свой родной колхоз, авось там мне не откажут в работе. В это – последнее для меня – время о моей безработице узнал заведующий отделом научного атеизма Киевского горкома КПУ Иван Иванович Бражник, которому я в такой же мере, как и Владимиру Карловичу Танчеру, обязан благодарностью за участие в моих бедах.

Иван Иванович встретился со мной и подробнейшим образом разузнал о моем положении. Он – человек от природы неугомонный, заводной и решительный до конца. В конце концов, он привел меня ко второму, по пропаганде, секретарю Киевского обкома КПУ Троньку Петру Тимофеевичу и они общими усилиями направили меня на свободную в то время штатную единицу старшего методиста Киевского планетария. Они убедили меня, что там нужен методист по атеистической пропаганде и что я с этой работой справлюсь...

Местные астрономы приняли меня одни – с недоумением, другие – свысока. Меня подрядили читать заказные лекции, главным образом, по школам и клубам города. Через три месяца меня из планетария перевели референтом в Киевское областное общество «Знание». Здесь начальница, Чубарева Татьяна Ивановна, приняла меня крайне неприязненно и три года буквально издевалась надо мной. После разрыва с религией это был самый трагический период моей жизни.

Работая референтом общества «Знание», я три раза предпринимал попытку поступить в аспирантуру по кафедре научного атеизма КГУ. Заведующий кафедрой Владимир Карлович Танчер всеми своими силами поддерживал меня. Я три раза сдавал на все пятерки вступительные аспирантские экзамены, на пятерки писал вступительные рефераты. Кафедра трижды принимала решение о принятии меня в аспирантуру, университет подтверждал решение кафедры, но из министерства трижды приходил отказ. Без объяснений. Министерство, согласно своему положению, никаких объяснений в подобных случаях не дает. Впрочем, на дневное отделение в аспирантуру по научному атеизму было только одно место и я один претендент. Претендента лишали зачисления, а кафедра теряла аспиранта. На что не пойдёшь во имя никому не известных соображений!

Мне уже исполнилось 35 лет. Возраст, после которого в аспирантуру не принимают. Судьба предвещала мне стать до конца жизни изгоем в системе общества «Знание». Что делать? Как поступить? Раздумывать некогда: счётчик необратимого времени отстукивает последние удары для меня. Доведенный до белого каления, схватил несколько листов чистой бумаги и не написал, а «накатал донос», гневное письмо на имя секретаря по пропаганде ЦК КП Украины Скабы Андрея Даниловича. Ох!.. ну и «оттянулся» я в том письме, отвел душу в нём. Я написал о том, что меня, полноправного, судом не лишённого прав, партийные и государственные чинуши лишают конституционных прав на образование, на учебу, на нормальную советскую жизнь. И все, и везде из-за того, что я в прошлом учился в духовной семинарии и академии, был преподавателем в духовной семинарии. Везде мне бросают в лицо упрёк, что все это из-за того, что я поп или был попом. Но я не был попом, я только учил попов в саратовской духовной семинарии. Перестав верить в бога, я ушел из церкви. Это что? – Преступление?.. Все в таком же духе, сумбурно, зло и отчаянно. В заключение попросил Андрея Даниловича сказать мне откровенно о том, что я в Советском Союзе лишний как дипломированный философ, как пропагандист атеизма, как советский гражданин вообще. Отправив написанное письмо на имя секретаря ЦК КП Украины, я своему начальству написал заявление об отпуске и уехал с семьей в свое родное село налаживать свою работу в колхозе...

Через две недели меня разыскали в селе и сообщили, что меня приглашает на встречу Андрей Данилович Скаба. Через три дня я был в Киеве, зашел в ЦК КПУ и узнал, что Скаба в отпуске. Зашел в КГУ и узнал, что меня просит зайти к нему Барановский – министр просвещения. Министр просвещения уже знал о моем письме и о том, что, уходя в отпуск, Скаба поручил заведующему Отделом науки ЦК КПУ Кондуфору Юрию Юрьевичу встретиться со мной и... Одним словом, министр попросил меня сходить к Ю. Ю., а после него зайти к нему, Барановскому. Кондуфор встретил меня в штыки:

– Товарищ Дулуман! Что Вы себе позволяете?

Я начал отвечать ему в том же духе. Началась перепалка. Минут через пятнадцать Кондуфор сказал:

– Дулуман! Прекратите препирательство. Идите в Министерство просвещения. Это там решают все дела по аспирантуре. По поручению Андрея Даниловича я поинтересовался вашим личным делом и узнал, что министерство утвердило Вас аспирантом кафедры научного атеизма. Так что не надо было так волноваться и дерзить.

На самом же деле, как я узнал потом, Министерство сразу же утвердило мое поступление в аспирантуру, но лично Кондуфор, «силой, данной ему свыше» (Иоанна, 19:11), это решение ликвидировал.

Доскажу еще о своем поступлении в КПСС. Я уже говорил о том, что комсомольская студенческая организация группы отказала мне в поступлении в партию. Это решение подсказал и утвердил секретарь парткому КГУ Удовиченко Петр Платонович (его в университете за глаза называли «П. П.»). До работы в КГУ «П. П.» был представителем Украины в Организации Объединенных Наций. «П. П.» был бюрократом из бюрократов, бюрократом высшей пробы и все партийные, идеологические, морально-бытовые проблемы в КГУ замкнул лично на себе. Когда я закончил аспирантуру, досрочно защитил кандидатскую диссертацию, кафедра научного атеизма дала мне рекомендацию в партию. Получив мое заявление с рекомендациями, «П. П.» самолично явился на кафедру. Ткнув в меня пальцем, он проговорил:

– Пойдемте со мной!

Мы зашли в пустую аудиторию, дверь в которую «П. П.» закрыл изнутри. Он сел за столом, разложил перед собой мои документы о поступлении в КПСС, посадил меня напротив себя, вынул из папки чистый лист бумаги, взял авторучку и без всякого вступления начал считать:

– Вы были попом... Не перебивайте! Идеология попов, как вам должно быть известно, не только не совместима с коммунизмом, а напротив – враждебна ей. А Вам после Вашего поповства Партия и Правительство разрешили окончить среднюю школу?

Услышав мой ответ, «П. П.» повторил: «Так» – и поставил жирную точку на чистом листе бумаги.

– После этого Вас приняли студентом в кредитно-экономический институт? Так. (Опять жирная точка на листе бумаги.) Потом Вас перевели сразу на третий курс философского факультета, о котором Вы и раньше мечтали? Так. (Опять точка.) После окончания университета Вам выдали красный диплом? Так. (Снова точка.) После этого Вы, один из немногих студентов Вашей группы, получили назначение на работу в столице Украины Киеве? Так. (Очередная точка.) После этого Вам в Киеве дали двухкомнатную квартиру? Так. (Точка.) Вы поступили в аспирантуру? Так. (Точка.) Ученый Специализированный Совет факультета досрочно присвоил Вам ученую степень кандидата философских наук? Так. (Точка.) Ученый Совет всего университета утвердил Вас в ученой степени? Так. (Точка.) Теперь Вы получили направление на работу старшего преподавателя кафедры престижного Киевского педагогического института имени А.М. Горького. Так. (Точка.) Посмотрите, как много Советская власть сделала лично для Вас, бывшего попа.

«П. П.» провел рукой по ряду жирных аккуратно начертанных точек; жестом пригласил меня самому посмотреть внушительное скопление точек-благодеяний и после артистически выдержанной паузы сказал:

– Видите! Так почему же после всего этого Вы хотите, чтобы мы Вас приняли ещё и в КПСС?

В ряд уже написанных точек «П. П.» в заключение дописал жирный черный кружочек и поставил после него косую линию. У меня невольно вырвался ехидный вопросик:

– Помилуйте, уважаемый Петр Платонович. Неужели Вы в один ряд ставите получение квартиры и вступление в КПСС?

«П. П.» с недоумением уставился на меня, а потом сгреб все свои бумаги, сунул их в папку, встал и молча вышел из аудитории.

Старшим преподавателем, доцентом, и.о. заведующего кафедрой я проработал в Киевском педагогическом институте с января 1964 по октябрь 1969 года. В 1965 году коммунисты кафедры, а потом и математического факультета рекомендовали меня кандидатом в члены КПСС.

Моё прошлое и настоящее в райкоме КПУ под руководством старых ветеранов партии три месяца проверяли партийные, комсомольские, советские органы (в том числе, конечно, органы КГБ). Ветераны партии были в целом доброжелательны ко мне. Их представитель докладывал результат своих исследований членам бюро райкома партии, рекомендовал принять меня кандидатом в члены КПСС. После ничего не значащих выступлений некоторых членов бюро секретарь райкома сказал:

– Как мы все слышали, поступило предложение принять Дулумана Евграфа Каленевича (далее он зачитал мое заявление и анкету) кандидатом в члены КПСС. Прошу голосовать. Кто – за?

Члены бюро РК КПУ подняли руки. Один из них замешкался, опустив голову. Это был мой старый знакомый «П. П.». Председательствующий обвёл взглядом голосующих и несколько уставился на Петра Платоновича Удовиченко. «П. П.» еще немного подумал, медленно и невысоко тоже поднял свою руку «за». Секретарь райкома продолжил – для протокола – процедуру:

– Кто – против. – И опять посмотрел в сторону «П. П.». – Против нет.

– Кто воздержался? – Воздержавшихся нет.

– Итак, единогласно принимается решение о принятии Дулумана Евграфа Каленевича кандидатом в члены КПСС.

Секретарь поздравил меня со вступлением и сказал краткое партийное наставление. Через год я стал полноправным членом КПСС. После этого никаких особых «палок в колеса», о которых можно было бы здесь говорить, не было.

Статья поступила в редакцию 07.11.2011.